

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

БРОСОК ИЗ ТЕМНОТЫ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

Александр Карпов

Бросок из темноты

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карпов А. Н.

Бросок из темноты / А. Н. Карпов — «Эксмо», 2021 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-118271-7

Зима 1943 года. Советские войска с боями продвигаются к Орлу. Чтобы выяснить, как организована оборона противника, а заодно захватить «языка», в тыл к немцам отправляется группа разведчиков. В их числе красноармеец Егор Щукин, на счету которого уже несколько опасных рейдов за линию фронта. Разведчикам удастся проникнуть на позиции гитлеровцев и взять в плен немецкого офицера. Но незаметно уйти не получается – фашисты бросаются в погоню. Щукин в одиночку вызывается прикрыть отход товарищей. Он уже готовится к смерти, когда неожиданно получает помощь, на которую даже не мог рассчитывать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118271-7

© Карпов А. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Карпов

Бросок из темноты

© Карпов А.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

– А ну, навались, ребята! Навались! Еще немного! – громко, заглушая всех, кто был рядом, кричал ездовой, из последних сил натягивая поводья, от чего лошади в передней упряжке вытягивали вперед свои морды, моментально скрывавшиеся в клубах особенно заметного на морозе густого пара.

Два десятка красноармейцев, у каждого за спиной вещмешок и винтовка, сбившись в кучу и шатаясь от усталости после длительного ночного перехода, толкали просевшее на одно колесо орудие.

– Еще, ребяташки, еще! Навались, навались, родные! – снова гремел басом ездовой, то и дело пропадая в облаке пара.

– Так! Теперь по счету! – поддержал его офицер в комсоставской шинели, высоко опоясанной ремнями, с командирской кожаной сумкой на боку.

Он отделился от толпы, возившейся возле застрявшего орудия, прыгнул через бугор на обочину дороги и, оценив ситуацию со стороны, поднял вверх правую руку. Набрав побольше воздуха, офицер начал громко считать, каждый раз резко опуская руку в такт своим выкрикам:

– Уперлись все вместе! И раз! И раз! И раз!

Солдаты, привыкшие к дружной работе, слушали командный голос и, повинуясь рабочему ритму, дружно толкали друг друга в спины. Задние нажимали на передних, те в свою очередь упирались в станину, в ободья колес, в щиток и тело откатника, заставляя сцепку раскачиваться взад-вперед с каждым разом все сильнее и сильнее. Наконец под очередной выкрик командира солдаты вытолкнули орудие на дорогу и стали проталкивать его еще дальше, чтобы оно снова не сползло в глубокую колею.

– Фу-у-у! – громко протянул кто-то в солдатской массе.

– Пятый раз уже! Куда этот конюх там смотрит? Спит, что ли? – громко, так чтобы слышно было далеко впереди, проговорил один из красноармейцев, вытирая суконной рукавицей пот со лба.

– А ты сам попробуй! А то много вас тут умных таких! – ответил второй коновод, защищая первого, который, наверстывая упущенный темп, уже ушел далеко вперед.

Он тянул за собой поводья длинной, из шести лошадей, упряжки, завершавшейся одноосным артиллерийским передком и обмотанным белой тканью телом гаубицы. Следом шли три десятка солдат орудийной прислуги и отделение разведчиков, выполняющих роль охраны и одновременно арьергарда дивизиона.

– А тут и пробовать нечего! – отозвался сержант, хмурясь на озлобившегося коновода.

– Отставить! – перебил его, внезапно появившись, тот самый командир, который руководил работой по спасению застрявшего в снегу орудия.

Его появление на некоторое время вернуло дисциплину в колонну красноармейцев. Повисшая над ней тишина прерывалась только кашлем и тяжелым дыханием идущих.

– Подтяни-и-сь! – протянул командир, на ходу оглядываясь на подчиненных. – Не отставать! Держать темп!

Солдаты послушно кинулись сокращать дистанцию. Отставшие, насколько позволяли силы, переходили на легкий бег, стараясь догнать ушедших вперед товарищей. Колонна на глазах становилась короче, начинала двигаться в такт, монотонно раскачиваясь. Так продолжалось минут пять-десять. Потом дистанция между идущими снова увеличивалась, задние опять отставали – колонна вытягивалась, слышалось недовольное бормотание.

Суровый с виду молодой командир опять выходил из строя, оборачивался назад и снова кричал на левый фланг колонны:

– Подтянись! Не растягиваться! Не отставать!

Задние снова начинали послушно догонять передних, на ходу поправляя порядком надоевшие вещмешки, винтовки, подсумки, противогазы и каски.

– Сколько мы уже прошли, товарищ лейтенант? – обратился к командиру тот самый сержант, что пытался вступить в перепалку с коноводом.

Это не было простым любопытством. Солдаты и без того знали, что позади уже несколько десятков километров. Просто сержант решил взбодриться, а для этого попытался втянуть в разговор идущего рядом лейтенанта.

Тот тяжело вздохнул:

– Точно вам не скажу. Но, думаю, не менее сорока километров от пункта выхода. – Он привычно обернулся, чтобы проверить, не растянулась ли колонна, потом бросил короткий взгляд на собеседника и задумчиво уставился себе под ноги. – А сколько еще впереди, я и сам не знаю. Только конца нашему пути пока не видно.

– Что там, Егор? – крикнул сержант, обращаясь к одному из идущих впереди солдат своего отделения: тот вдруг начал вертеть головой из стороны в сторону. Дорога к этому времени стала плавно отклоняться вправо, в направлении пологой возвышенности, покрытой зимним лесом.

– Не пойму, товарищ сержант, – ответил тот, не поворачиваясь. – Почему мы от маршрута отклоняемся? Линия фронта от нас – на юг и на запад. А мы на север повернули, а в тех местах либо крюк большой делать придется, либо нас куда-то еще ведут.

– Это откуда такой осведомленный? – дернул плечами лейтенант, вытягивая от удивления лицо и пристально глядя на сержанта.

– Не удивляйтесь, товарищ лейтенант. Это Шукин! Он местный, из этого района. Его родная деревня где-то тут, совсем рядом. Он все окрестности знает, все дороги. Потому и ориентируется хорошо.

Лейтенант возразил незамедлительно:

– Даже я, командир огневого взвода, не знаю места назначения! Командир батареи не знает! А этот – знает! Вот дела! Простой солдат осведомлен о маршруте лучше, чем все воинские начальники, вплоть до комбата.

– Да не знает он ничего, товарищ лейтенант! – заулыбался в ответ сержант. – Я ж вам говорю – местный он. Всю жизнь здесь прожил. Все пути-дорожки с детства знает. С ним даже начальник штаба полка советовался и маршрут согласовывал.

Последние слова были сказаны таким тоном, что все отделение разведчиков дружно засмеялись, а виновник разговора обернулся на сержанта и благодарно ему улыбнулся. Оценив солдатский юмор, лейтенант решил поддержать командира отделения разведчиков и тем самым скрасить обстановку тяжелого марша, изрядно измотавшего людей.

– Впервые слышу, чтобы начальник штаба целого артиллерийского полка держал совет с простым красноармейцем и обсуждал с ним маршрут следования, – произнес он и привычно бросил взгляд назад, чтобы оценить состояние колонны.

Вопреки его ожиданиям замыкавшие строй солдаты, уловив нотки юмора, стали сами подтягиваться вперед, чтобы не пропустить что-нибудь интересное и тем самым отвлечься от усталости и изнеможения, приободриться и немного повеселиться.

– А как не держать, товарищ лейтенант. – Сержант поправил на плече ремень автомата и сдвинул на затылок шапку.

Последний жест сказал всем разведчикам о начале небольшого словесного представления, которые тот любил устраивать, когда для этого было подходящее время. Строй моментально сократился. Бойцы сбились возле своего командира и подняли головы, ожидая новых порций смеха.

– Вы сами посудите, – продолжил сержант, – впереди парикмахерские всякие, кинотеатры. А товарищ капитан – мужчина видный. Ему и в кино побывать хочется, и побриться

начисто. А то все служба и служба. Вот он и вызвал к себе Щукина, чтобы тот ему все подробности поведал.

По колонне прокатилось легкое одобрительное покашливание улыбающихся разведчиков.

– Солдатский юмор – это хорошо! – серьезным тоном ответил лейтенант. – И хорошо, что вы, товарищ сержант, это понимаете.

Командир отделения мгновенно выпрямил спину и вытянул лицо, ощутив свою ошибку в выборе времени и места для шуток. Не зная характера и чувств идущего рядом человека выше его по званию, он понял, что где-то допустил оплошность. Тема для юмора оказалась не очень подходящей. Выражение глаз лейтенанта выдало его негативную реакцию. Что-то сильно резануло по сердцу молодого человека, о чем не мог ведать сержант. Не мог заглянуть в уголки души, где была разлита глубокая скорбь по утраченным родным, сгинувшим где-то на оккупированной врагом территории – его родительский дом стоял как раз недалеко от городского кинотеатра, да еще и возле парикмахерской. Но об этом тот промолчал, решив не обнажать свою печаль кому-либо.

– Товарищ лейтенант! – послышался впереди голос красноармейца Щукина, решившего немедленно вмешаться в разговор.

Командира огневого взвода он быстрее всех определил как довольно строгого и принципиального. И хоть тот и был на вид ровесником Егора, но статус и положение, помноженные на выправку, обретенную во время прохождения ускоренного курса подготовки в военном училище, обязывали лейтенанта поддерживать дисциплину и строгий порядок в вверенном ему подразделении. Не успев набраться достаточного опыта, тот старался казаться жестким, для чего постоянно громко и напоказ выкрикивал команды очень низким, не свойственным ему голосом. С солдатами он был излишне строгим, всячески подчеркивая свое положение, что у него вполне получалось. Только в случае с командиром отделения разведчиков возникли трудности. Произошло легкое столкновение молодости и неопытности лейтенанта с естественной прямоотой простого солдата, за время пребывания на фронте прошедшего немало по-настоящему смертельных испытаний.

– Товарищ лейтенант! – снова повторил Егор. – Меня действительно вызывал к себе начальник штаба полка. Спрашивал о дорогах. Я карту у него видел, а на ней названия деревень. Вот я и мыслю о том, куда мы можем идти.

– А о том, что надо язык держать за зубами, товарищ Щукин, вы не знаете? Что кругом шпионы могут быть, знаете? – прошипел в ответ командир огневого взвода, вновь демонстрируя свое начальственное положение и повышенное рвение в исполнение служебных обязанностей.

Не ожидавшие такой реакции разведчики снова растянулись по дороге, чуть отстав от лейтенанта, теперь уже не от усталости, а специально, чтобы позлить его и заставить в очередной раз выкрикивать им строевые команды.

– Знаю, товарищ лейтенант, – произнес солдат, пряча свое раздражение от неприятного общения.

Разговор оборвался. В воздухе повисла тишина, прерываемая только шумом шагов и дыханием идущих.

– Тогда почему вы решили, что мы отклонились от маршрута, товарищ боец? – вдруг спросил командир огневого взвода, поняв, что напрасно повысил голос на солдата, лично знакомого с начальником штаба полка, и решив, что зря оборвал своей строгостью говорливого сержанта, тем самым настроив его бойцов против себя.

– Дорога, хорошо утоптанная, только что влево уходила, а мы с нее свернули. Судя по всему, все части дивизии, что перед нами шли, по ней следовали, – начал объяснять разведчик, поражая как лейтенанта, так и всех остальных в строю своей наблюдательностью. – Облачность

сейчас низкая, и вот-вот снегопад начнется, причем сильный. Это значит, что маршрут по погоде выбирали, чтоб авиации противника в воздухе не было. Да и снегопад все следы за несколько часов спрячет.

Некоторые из идущих впереди солдат-артиллеристов, услышав слова Егора, стали оборачиваться и смотреть на него, дивясь его прозорливости. Шагающие в арьергарде колонны разведчики снова оживились и начали бросать взгляды на лейтенанта, ожидая увидеть его реакцию. Она последовала почти незамедлительно.

– А с чего вы взяли, что мы свернули? – прозвучал вопрос взводного.

– Полагаю, что мы не успеваем дойти к сроку, – не тратя времени на раздумья, начал отвечать солдат. – Светает. За ночь вся дивизия не успела пройти. Мы замыкаем. Вот нас чуть и уведут в сторону и ведут другой дорогой, чтобы немца с толку сбить. Скоро остановка случится, а потом пойдем, чтобы ночью на месте быть. А тут расстояние, зная местность, прикинуть не сложно. Вот я и предположил.

– Вам бы, красноармеец Щукин, с такими познаниями не солдатом быть. Вам самое место в военном училище, – изрек лейтенант необычно громко, с поворотом головы назад, к разведчикам, будто пытался реабилитироваться за собственную оплошность в общении с ними, когда, казалось бы, нужно было дать немного послабления смертельно уставшим людям.

Но его попытка завоевать расположение красноармейцев оказалась неудачной. Улыбок на лицах он не увидел. Солдаты просто приняли ответный удар товарища, вовремя доказавшего лейтенанту, что он не единственный в колонне, кто может масштабно мыслить и знать больше, чем остальные.

– Не надо с нами так, товарищ лейтенант, – довольно тихо, чтобы слышно было только им двоим, произнес сержант, вплотную приблизившись к командиру огневого взвода. – У нас в разведке все по-простому. Вы только командуйте. Мы все выполним, не подведем. Только не обижайте нас. Служба наша особенная. Во взводе почти все за линию фронта хоть раз ходили. Тот же Щукин даже к награде был представлен.

Лейтенант в ответ вытянул изумленное лицо и снова обернулся, только теперь уже не для контроля над идущими бойцами, а для того, чтобы понять: не слышит ли кто еще в колонне слов сержанта. На этот раз он решил не проявлять излишнего командного рвения, тем более что его собеседник все время, что они были на марше, был ему опорой и выполнял все указания, поддерживал дисциплину и в нужный момент организовывал помощь артиллеристам в вытягивании застрявшего орудия.

– А за что Щукина должны были наградить? – спросил он также подчеркнуто тихо, как разговаривал с ним сержант.

– Было дело, – протянул тот, не ожидая, что лейтенант примет его слова, сблизится с ним и перестанет напрасно давить на довольно хорошо организованных бойцов. – Давно уже. Еще весной. У нас в дивизии дезертиры стали появляться из числа вновь прибывших. Тикали к фрицам по одному и даже группами. Кто с оружием, а кто без. Вот и решили тогда пресечь это дело. А Щукин добровольцем вызвался и даже придумал, как все дело обстрелять. Он к нам тогда только пришел во взвод. Сам попросился в разведчики после госпиталя.

– Давно воюет? – спросил в ответ лейтенант, разглядывая со спины идущего впереди Егора.

– Больше года, – соврал сержант, стараясь, что называется, набить цену своему подчиненному в глазах командира, но при этом прекрасно зная боевую историю красноармейца Щукина, – из пехоты к нам пришел, обстрелянный.

– И как все получилось? – не терпелось узнать еще не воевавшему взводному о подвиге конкретного солдата, которого он, на поверку, теперь знал лично.

– Под видом перебежчиков пробрались к немецким траншеям, поскулили там немного, будто себя выдали, что, мол, в плен идут, сдаются. – Сержант начал получать удовольствие от

собственного повествования, опуская тот факт, что сам лично участвовал в той самой вылазке к вражеской передовой. – А как только фрицы объятия свои развернули, то забросали их гранатами. С тех пор они никого из перебежчиков не принимали. Как отрезало!

Лейтенант дернул от удовольствия головой, восхищаясь смелостью и находчивостью отчаянных бойцов.

– А как же они с гранатами смогли подойти? – спросил он, постепенно вникая в тонкости рассказа командира отделения разведчиков.

– А вот в этом и была задумка Щукина. Он все обдумал, – с ноткой удовольствия в голосе ответил сержант.

– А награда? – последовал новый вопрос внимательного слушателя.

– Вот тут прокол вышел, – с досадой проговорил рассказчик, тяжело вздохнув. – На уровне полкового начальства об этом знал только комиссар. Комполка в известность никто не поставил. А про штаб дивизии вообще не подумали. Потянуло все на самоуправство. А это, как вы знаете, у нас не поощряется. Вот и завернули наградные документы на красноармейца Щукина и его товарищей. А так были бы у нас ребята при медалях.

Едва сержант закончил свой рассказ, как лейтенант ускорил шаг, вытянул шею и начал кричать впереди идущим артиллеристам:

– Не спать! Сейчас орудие встанет! Не спать!

Разбуженные выкриками взводного солдаты за пару секунд ускорились и догнали почти остановившихся на дороге лошадей, которые сильно сбавили ход из-за того, что дорога начала довольно круто подниматься. Все вместе они снова уперлись в обода колес, щиток и станину гаубицы, начав толкать ее вперед, чтобы облегчить работу уставшим животным. Следом на помощь им подоспели разведчики, удвоив тем самым людские силы, направленные на общее дело. Орудие медленно ползло вверх, подпираемое десятками солдатских рук. Наконец оно достигло верхней точки подъема, где от него почти сразу отпрянули измотанные красноармейцы.

– Подтянись! Не растягиваться! – привычно прокричал лейтенант, быстро идущий вперед. Навстречу артиллеристам выехали несколько всадников – по виду кто-то из начальства.

– Ага. Точно сейчас привал будет. Прав Егор оказался, – пробурчал сержант, наблюдая за людьми на лошадях и одновременно глядя на небо, с которого начали сыпаться крупные снежинки.

Всадники некоторое время постояли, не спешиваясь, возле лейтенанта, приняли от него доклад, осмотрели всю колонну и направились в обратную сторону, будто их целью было убедиться в целостности людей, лошадей и полкового имущества.

– Так. Наше начальство засвидетельствовало нам свое почтение. Егор, доставай, – негромко произнес сержант, от чего разведчики несколько оживились.

– Что, прямо сейчас? – ответил ему Щукин, делая изумленное лицо.

– А чего тянуть? Лейтенанту тут не до нас, он своими людьми занят. Пока орудие замаскирует, посты расставит, командованию доложит. Давай доставай, а то сил никаких не осталось. Все ж война вокруг, а у нас боеготовность на нуле! – Сержант легонько толкнул Егора в плечо и подмигнул одному из бойцов, тот быстро скинул вещмешок и стал копаться в нем, пытаясь что-то достать.

Разведчики моментально его обступили. Каждый принял переданную ему кружку и теперь держал ее наготове. Командир отделения взял у Егора солдатскую флягу, ловко скрутил с нее колпачок и, быстро взглянув в сторону артиллеристов, как бы убеждаясь, что те не обращают на разведчиков никакого внимания, начал поочередно разливать бойцам ее содержимое. В морозном воздухе повис знакомый многим запах деревенского самогона. Когда последняя капля покинула сосуд, на его месте вдруг оказалась тряпица, напоминавшая небольшой платочек, поверх которой лежали ровно нарезанные небольшие куски ржаного хлеба и примерно

такого же размера ломтики мороженого сала. Каждый боец бережно взял замерзшими пальцами с платочка кусочек того и того и замер в ожидании команды сержанта, на которого преданно смотрел, словно не на старшего по званию, а на родного отца или брата.

– Бронебойным, – сдавленным голосом, словно кричал, только делал это очень тихо, почти шепотом, произнес сержант и приподнял свою кружку на уровень лица.

За ним то же самое проделали остальные.

– Заряжай, – также сдавленно прозвучала очередная команда, за которой последовало ожидаемое: – Беглым! Огонь!

Разведчики опрокинули в себя содержимое кружек, сразу после чего стали быстро закусывать выпитое кусочками хлеба с салом. С их стороны раздались одобрительное кряхтение и сопение.

– Откат нормальный! – произнес командир отделения, с довольным выражением лица выдыхая спиртной дух.

Егор с товарищем торопливо начали убирать опустевшую флягу и кружки в свои вещмешки, а солдаты снова сгруппировались возле сержанта. На этот раз тот выдавал каждому небольшую порцию махорки из своего кисета и заранее порванную на одинаковые куски газету. Спустя минуту над группой разведчиков стал подниматься легкий туман табачного дыма, а их лица налились румянцем, глаза намного заблестели, губы растянулись в полуулыбках.

– Хорошо! – произнес один из них, выпуская изо рта и носа струю белого облака.

– Так бы всегда было! – заключил в ответ сержант. – Я бы в армии так и служил. Только без войны чтоб!

– Это точно! – добавил солдат, только что первым похваливший свое состояние.

Разведчики обступили командира и неспешно курили в ожидании дальнейших команд.

– Сколько это ж она весит, а? – спросил командир отделения, затягиваясь махорочным дымом, кивая в сторону гаубицы и обращаясь взглядом к Егору, оказавшемуся как раз рядом.

– Чуть больше двух с половиной тонн. Новенькая совсем. Только с завода, – ответил тот, снова поражая многих сослуживцев своей осведомленностью.

– Прав был лейтенант, когда сказал, что тебе самое место в военном училище! И нос ты ему утер своей наблюдательностью, – подмигнул ему сержант и тут же перевел взгляд в сторону, где, по всей видимости, начинало твориться что-то невообразимое и комичное.

– Чего это с ним? – буркнул кто-то рядом.

– Егор! И правда, а корешок твой поплыл! – произнес сержант, указывая рукой на одного из солдат своего отделения. – Только не пойму от чего. Либо самогонка его перекосила, либо сорок верст пройденного пути, либо и то и то вместе взятое.

Стоя на краю дороги, шатался из стороны в сторону и переставлял, чтобы не упасть, обутое в валенки ноги высокий худой красноармеец в короткополой, немного не по росту шинели. Его как будто мотало, голова то и дело валилась то на правое, то на левое плечо, а то и вовсе западала назад или опускалась на грудь. Лицо его сначала стало почти красным, потом начало резко бледнеть, глаза налились кровью, а веки медленно опустились, наполовину скрыв под собою зрачки.

– Так ему пить нельзя! – заключил, глядя на шатающегося солдата, один из разведчиков.

– Кто ж знал? Он с последним пополнением к нам пришел, – произнес сержант, начиная отыскивать глазами Егора, с которым часто видел новенького бойца в последние дни. А заметив, что тот уже направляется к шатающемуся парню, крикнул ему: – Козлов, ты часом не пьяный?

Именно фамилия недавно прибывшего с пополнением во взвод разведчиков бойца и привлекла внимание Егора. Он видел немного растерянного новичка, только что вошедшего в солдатскую землянку и представленного командиром, но среагировал на названную фамилию и уставился на ее обладателя тем взглядом, которым обычно одаривают людей, с которыми очень

давно не виделись. В полумраке длинной, человек на тридцать-сорок, землянки, освещаемой двумя добытыми где-то керосиновыми лампами, не было видно лица стоявшего у входа и не решавшего ступить дальше солдата. Свет падал лишь на его фигуру в шинели и руки, которые тот не знал куда деть и дергал ими из стороны в сторону, будто бы стеснялся чего-то.

– Проходи, Козлов! – пригласил его Егор, назвав по фамилии специально, дабы убедиться, что сам не ослышался, когда ее произносил лейтенант.

Поняв, что его зовут вполне радушным голосом, солдат стал протискиваться между сидящими на нарах бойцами, пока не добрался до того самого места, где его демонстративно ждал, указывая, где разместиться, Егор.

– Как звать? – сразу последовал вопрос одного из разведчиков, пустившего махорочный дым в проем между длинными нарами.

– Сам откуда? – спросил второй, выглядывая с верхнего яруса.

– Алексей. Из Москвы я. Почти из Москвы. Рядом там, – немного запинаясь и испуганно бегая глазами по всему, что попадало в поле его зрения, ответил тот, не зная, куда ему деваться от навалившегося большого количества внимания.

– Располагайся. Тут место есть, – спокойно сказал ему Егор и указал на свободные нары, где как раз мог разместиться один человек.

Козлов начал дергаться, выдавая своим поведением сильное волнение от присутствия в новом для себя месте и с новыми людьми, которых раньше не видел. Он неловко уперся в деревянную опору, потом резко повернулся, запнулся одной ногой о другую, чуть не уронил винтовку, которую забыл поставить в пирамиду, наклонился всем телом куда-то в сторону и замер так, тихо произнеся:

– Ой!

Увидев это, кто-то из разведчиков тихо хмыкнул. Остальные замерли, начав увлеченно наблюдать за всем действием, которое никак не заканчивалось. Все ждали чего-то, удивленные поведением новичка. Только один Егор не стал дожидаться развязки, где все должно было закончиться комично и, скорее всего, падением новичка на пол, под нары, под хохот ожидавших забавы солдат. Чтобы не ставить парня в неловкое положение, разведчик надавил ему на плечи, буквально заставив опуститься на нары. Затем он снял с него шапку и положил ее ему на колени.

– Из-под Москвы, говоришь? – Он решил вопросом снять напряжение с новенького.

– Да.

– Давно воюешь? – продолжил Егор громким голосом задавать вопросы, чтобы они были слышны всем в землянке, хотя этого и не требовалось, в ней и так повисла полная тишина, прерываемая только еле слышным треском горящих самокруток.

– Второй год, – робко и абсолютно без гордости ответил Козлов, пытаясь спрятать глаза от внимательно изучавших его солдат.

– Разведчик? – спросил кто-то сбоку.

– Нет. Только сейчас к вам направили, – сдавленно произнес боец.

Многие в землянке повели бровями, пытаясь предположить, каким образом такой робкий и неуклюжий солдат оказался в разведке. Солдаты оживились. Кто-то спустился с нар вниз. Люди понемногу приблизились к новенькому, чтобы задать ему очередные вопросы, тут же появившиеся почти у всех.

– Сам попросился? – первым атаковал Козлова Егор.

– Нет, – ответил тот очень тихо. – Я ж говорю: направили.

– Может, ты немецкий знаешь? – снова последовала атака с вопросом.

– Так. Чуть-чуть. В школе преподавали, – стеснительно произнес новенький.

– Так ты поэтому у нас! – заключил командир одного из отделений, глядя на Козлова сверху.

– А воевал где? – снова встрял Егор с нужным вопросом, который только начинал вертеться на языке у многих, но сформировался именно у него.

– Ну, под Москвой в контрнаступлении год назад. Потом еще кое-где, – будто бы вытянул из себя ответ новенький, растерянно бегая глазами по лицам разведчиков.

– К нам после ранения попал? – опять прозвучал нужный и точный вопрос Егора, ответ на который был следующим в рейтинге интересов всех присутствующих.

– Да!

– Значит, солдат ты опытный. Повоевал уже. Ранен был. Немецким владеешь. И, поди, десятилетку окончил? – все так же напирал на Козлова разведчик, пытаясь разговорить того и одновременно дать понять всем, что собой представляет вновь прибывший к ним во взвод боец.

Новенький робко заулыбался и, часто моргая, закивал в знак согласия. Он только сейчас решился поднять глаза и посмотреть на сидевшего ближе всех к нему Егора.

– Да, – произнес он чуть слышно.

Где-то на верхних нарах тихо и сдавленно, закрывая рукой рот, засмеялся один из разведчиков. Рядом довольно засопел второй, подмигнув третьему, расплывавшемуся в широкой улыбке.

– Так. Продолжаем разговор, – почесал затылок Егор, пытаясь найти ключик к крайне неразговорчивому, стеснительному и робкому парню, весь вид и поведение которого говорили только о том, что он исключительно случайно, по недоразумению или чьей-то злой шутке оказался в этой землянке.

Будто бы кто-то из штабных внес его в списки личного состава подразделения, для службы в котором данный солдат совершенно не подходил. Как будто вот-вот в землянку к разведчикам войдет командир взвода и уведет его из нее, сказав всем напоследок с улыбкой на лице:

– Ошибочка вышла! Писаря с лесорубом перепутали! Фамилии у них одинаковые.

В довершение к этому взамен неуклюжему Козлову в землянку войдет высокий широкоплечий парень с волевым лицом и огромными кулачищами, прямое назначение которых станет очевидно при первой же вылазке с его участием в тыл врага. Однако этого не случилось. Новичок, как и десять минут назад, улыбался всем с глупым видом, ждал дальнейших расспросов и молчал.

– Закуришь? – Глаза Егора сузились, он кинул хитрый взгляд на Козлова, желая, чтобы парень, которого еле заметно трясло то ли от страха, то ли от волнения, хоть немного расслабился.

– Да, – смешно вытянул тот немного пухлые губы, будто в них сразу же должны были вставить готовую зажженную папиросу.

На стол упал чей-то кисет. Один из разведчиков выложил тонкую пачку аккуратно порванной на кусочки газеты, которую сразу же растащили все присутствующие, чтобы заняться изготовлением папирос-самокруток.

– А ранен где был? – не унимался Егор, решив на потеху остальным и из-за собственного любопытства разговорить Козлова и узнать о нем побольше, тем более что само его присутствие среди разведчиков вызывало у всех только вопросы.

– Под Москвой, – выпустил тот дым изо рта, выдавая в себе тем самым заядлого курильщика.

– Бой был?

– Нет, на марше. Авиация налетела, – оживился Козлов, оправдывая ставку Егора на коллективное дружеское курение.

– А потом? – Разведчик начал жестикулировать, показывая новичку, что от него ждут, чтобы он сам продолжил рассказ о себе.

Тот заулыбался в ответ и по виду немного расслабился, а потом под одобрительные жесты солдат в адрес Егора стал, кивая головой, медленно посвящать всех присутствующих в свою историю. От него все узнали, что Козлову девятнадцать. Что за спиной у него полных десять классов и нереализованное из-за войны желание учиться в техническом вузе. Что до призыва осенью сорок первого года ему пришлось потрудиться в паровозном депо. Что в армии и на фронте он второй год, но в бою ни разу не был и оба ранения получил во время марша к передовой, попав однажды под авианалет, а потом под артобстрел, когда нерадивый командир сбился с пути и вывел маршевую роту не на тот участок. Медленно вытягивая из новичка информацию о нем, Егор, как и все, наконец понял, что высокий и с виду крепкий Козлов был направлен служить в разведку тем, кто не вдавался в подробности его послужного списка и не удосужился расспросить его о боевом опыте и навыках. Его оценили только по наличию двух ранений, а значит, как обстрелянного и опытного солдата, к тому же имеющего полное среднее образование и некоторый уровень владения немецким языком. Последние два обстоятельства выглядели на фоне остального самыми весомыми, потому как во всем взводе больше семи классов образования было только у одного Егора.

Но лишь только старожилы подразделения догадались о том, что именно фамилия новенького бойца, а не все его казавшиеся потешными со стороны качества притянули к нему Егора, в сердце которого еще была жива память о друге, погибшем в самом первом бою. Разведчик часто вспоминал его и рассказывал о том, что жили они в одной деревне, где их родительские дома стояли совсем недалеко друг от друга. Что в сельской четырехлетке учились вместе и вместе проводили время в одной компании после уроков. Что работали на каникулах в одном колхозе и в одной бригаде. Что тот Козлов, которого он потерял в самом первом бою, приходился ему дальним родственником. Что судьба разлучила их на время, когда Егор после окончания школы-семилетки уехал, как отличник, продолжать образование в техникуме под Тулой. А встретились они только спустя два года, перед самой войной, когда Егор приехал домой на каникулы и вновь стал работать в колхозе. А еще через полгода, когда родная деревня была сожжена отступающими гитлеровцами, а для них закончилась оккупация, они увиделись в восемнадцатом запасном стрелковом полку, где вместе прошли курс молодого бойца. А потом вместе, в составе маршевой роты, шли к передовой, неся вдвоем ящик с патронами, лямки которого за время пути едва ли не до крови растерли им обоим ладони даже через суконные рукавицы.

Своего первого боя они вместе ждали в одной тесной стрелковой ячейке, изредка выглядывая из нее, чтобы посмотреть через бруствер на вражескую передовую и широкое поле перед ней, усыпанное заснеженными холмиками, на поверку оказавшимися телами павших в предыдущие дни, во время множества атак, красноармейцев. Не зная, что их ждет впереди, они приняли от взводного и тыловика-старшины по две обоймы патронов, по порции фронтового водочного довольствия. А потом просто сидели и ждали, когда их поднимут и поведут в бой.

Этот самый первый бой потом десятки раз снился Егору в жутких кошмарах. Едва погружаясь в сон, он начинал чувствовать удары пулеметных очередей по барабанным перепонкам. А рядом падали на снег его товарищи, что шли с ним в одной цепи на немецкие окопы. И одна из первых огненных стальных струй будто выбила из строя и смела, прибив к земле, красноармейца Козлова, распоров ему грудь и вырвав из него жизнь. А потом он все приходил и приходил к Егору во сне и жаловался на ужасный холод в открытом поле и продолжающиеся кровопролитные атаки на вражеские позиции. Он будто бы сам подводил друга к своему прикрытому снегом телу и жаловался, что мертв уже несколько дней, а ему все еще достаются немецкие пули при отражении натисков советской пехоты.

Поначалу Егор невольно сравнивал своего старого низкорослого, коренастого, немного ленивого и очень говорливого весельчака друга с тем новеньким, что прибыл к ним во взвод. Этот был выше ростом, абсолютно не активный, молчаливый и трусливый настолько, что даже

в уборную боялся ходить один, всеми способами пристраиваясь к Шукину, когда тот следовал туда или в любом другом направлении, будь то солдатская столовая, баня или землянка. Козлов, который всем своим видом и поведением явно претендовал на роль объекта для шуток и издевательств сослуживцев, избегал всего этого только лишь благодаря Егору, авторитет которого среди разведчиков был невероятно высок. Новичка не трогали, а лишь только посмеивались над ним и немного подшучивали, причем ровно настолько, насколько мог выдержать и позволить его старший товарищ.

Со временем Козлов, следовавший за Шукиным повсюду, словно хвост, стал надоедать тому и прежде всего тем, что портил в душе разведчика память о старом друге, облику которого тот совершенно не соответствовал. Но, не зная, как отвязаться от новичка, Егор просто терпел его и негласно приглядывал за ним только лишь потому, что тот мог куда-нибудь вляпаться и подвести тем самым весь взвод.

– Вставай, – негромко произнес разведчик, легко пиная носком валенка под зад сидящего под деревом на снегу Козлова, – и приходи в себя, пока лейтенант тебя не увидел.

Тот произнес что-то невнятное в ответ и совсем уронил голову на грудь, сморенный не то порцией самогона, не то смертельной усталостью, свалившейся на него и на всех остальных за время марша.

– Да оставь ты его! – услышал Егор за спиной голос сержанта. – Пусть подремлет. Лейтенанту еще минут десять не до нас будет. Все возле гаубицы трется.

Не сговариваясь, они оба встали так, что взгляды их оказались направленными туда, где, по прикидкам Егора, всего в нескольких километрах от этого места должна была располагаться его родная деревня, когда-то варварски сожженная отступающими фашистами.

Это случилось ровно год назад. Контрнаступление Красной армии под Москвой сделало свое дело. Гитлеровцы не выдержали и отошли, оставив после себя выжженную землю и безжизненные, почти безлюдные просторы. Деревня Егора, как и все окрестные селения, пылала, объята огнем. Жители спасались как могли, убегая, как правило, в ближайший лес с теми вещами, что успевали схватить перед тем, как выбраться из поглощаемого жарким пламенем собственного дома.

Семье Шукиных тогда повезло. Они смогли добраться до укрытия благодаря отцу Егора, а потом, скитаясь несколько дней на лютom морозе, унесшем немало жизней их односельчан, добрались до первого освобожденного Красной армией поселка. Там их как беженцев отправили в одну из деревень, расположенных в ближайшем тылу, а Егора почти сразу призвали, поставив под ружье и начав делать из него солдата для отправки на передовую.

– Как думаешь, нас для чего-то серьезного готовили? Пушки новые, доукомплектовали почти до штата, переодели, вооружили, – неожиданно спросил его командир отделения.

Разведчик не сразу ответил. В его голове стали выстраиваться параллели между событиями, уже произошедшими в его жизни, и тем, что переживал он сейчас. Еще в феврале, после более чем месяца пребывания в запасном полку, он также участвовал в ночном пешем марше к передовой. Рядом с ним тоже шел боец по фамилии Козлов. Также была зима, валил снег, была метель. И шли они в том же направлении, только свернули в другом месте и проследовали дальше. За спиной также была надоевшая своим весом винтовка, на ногах валенки, а за спиной вещмешок. От сравнений, где все бывшее очень походило на сегодняшний день, Егору стало не по себе. По его телу пробежал легкий холодок. Он вспомнил, как плохо кончился для него тот марш и весь тот день. Его первый день на фронте.

Передовая, атака солдатской цепью, грохот вражеских пулеметов, гибель товарищей, полная неразбериха первого боя, последний хриплый крик умирающего взводного, ранение в бедро. А потом долгое томительное ожидание спасительной темноты, когда можно будет попробовать отойти к собственным позициям. И все это тянулось с сильной ноющей болью в раненой ноге, под стоны раненых бойцов, зовущих санитаров и родных матерей, проклиная

щих командование, войну и собственное бессилие. Этот день еще долго не давал Егору покоя. Он возвращался к нему во сне, часто снова и снова участвовал он в той атаке, где потерял нескольких своих друзей и того самого коренастого парня Козлова, своего друга, однофамилец которого вот уже несколько недель был привязан к нему и не отходил от него ни на шаг.

– Думаю, что для серьезного, – ответил разведчик сержанту.

Тот внимательно посмотрел на него, глазами прося пояснения, так как знал, что умеющий аналитически мыслить, дальновидный и прозорливый Егор сможет объяснить ему все простыми и понятными словами.

– На политзанятиях говорили о наступлении нашей армии под Сталинградом, а значит, что-то должно быть и на других фронтах, – начал рассуждать Егор. – Чтобы у немцев не осталось в наличии свободных дивизий для переброски туда, где им сейчас тяжело, их надо везде держать в напряжении. Да и линия фронта должна выравниваться и становиться короче. Тогда для ее удержания можно уплотнить войска.

Сержант открыл от удивления рот, поражаясь четкости речи простого солдата, да еще и его подчиненного.

– Вот, смотри. – Егор ловко выхватил нож из ножен, сел на корточки и кончиком лезвия изобразил дугу на ровной снежной поверхности. – Это – линия фронта.

Он стал рисовать небольшие углубления, каждый раз комментируя свои действия:

– Это Москва, потом Тула, Чернь, Мценск, Болхов, – назвал он города, схематично указанные им на снегу. – Сталинград здесь.

Он воткнул нож и посмотрел на сержанта.

– Теперь, как я полагаю, – продолжил он, глядя на свой рисунок на снегу, – линию фронта начнут выравнивать, отбрасывая фрицев на запад. И она будет примерно такой.

Он провел ножом прямую черту.

– Рядом с нами она проходит по Зуше. Один ее берег наш, другой – под немцами. И так почти год.

Он еще раз взглянул на внимательно слушающего его сержанта и продолжил, поднявшись на ноги:

– Вспомни, каким был наш полк еще в сентябре, когда нас на переформировку отправляли. Народу – всего ничего. Гаубиц – кот наплакал. Да и то старье. «Полковушки» все с изношенными стволами. Ребята на батареях жаловались, что пристрелку вести бесполезно. Разброс снарядов колоссальный. А сейчас?!

Егор махнул рукой назад, в направлении стоящих возле деревьев зачехленных гаубиц.

– Новые орудия, только с завода! Наш полк, да и вся дивизия перевооружены и укомплектованы! Нас переодели во все новое!

– И куда нас теперь отправят? – спросил его сержант. – Помнишь, мы все думали, что под Сталинград пошлют?

– Я и сам думал так до самого выхода. Полагал, что на ближайший железнодорожный узел гонят. Подадут эшелоны и туда. Пока у начштаба карту не увидел. А там у него две деревни отмечены. Он у меня про дороги местные расспрашивал и все на карту смотрел.

– Значит, где-то здесь остановимся? – Командир отделения начал доставать из кармана кисет.

– Да. Недалеко идти осталось, – заключил Егор, принимая от него щепотку махорки и укладывая ее на маленький лист мятой газеты. – Там Зуша в Оку впадает. Там сейчас линия фронта проходит. Думаю, что вся пехота из нашей дивизии уже там. Они ведь раньше нас вышли.

Они закурили, думая о предстоящем прибытии на новое место службы, где им предстоит окунуться во фронтовую работу и, вероятно, участвовать в каких-то новых, значимых сейчас событиях. Возможно, наступать, проламывая глубокоэшелонированную оборону противника,

который сидит там уже целый год. Обложился минными полями, настроил траншей, ходов сообщения, дотов, дзотов, пулеметных гнезд, протянул линии связи.

– А как деревни те называются? – спросил, затягиваясь махорочным дымом, сержант.

– Городище и Нижнее Ущерево, – ответил Егор, удивляясь тому, что это сейчас могло иметь какое-то значение для его командира.

– А Шашкино, где тебя ранило, рядом? – последовал еще один вопрос по-дружески смотревшего на разведчика сержанта.

– Рукой подать, – тихо ответил и поморщился от бывшего переживания Егор, на которого это название вот уже почти год навевало только скорбные воспоминания.

Ранен он был совсем недалеко от своей родной деревни, всего в нескольких километрах от нее. А на том месте, где стоял родовой дом семьи Щукиных, осталось только пепелище, обугленные нижние венцы когда-то крепкой бревенчатой крестьянской избы да почерневшая от копоти печь. Попав потом, после госпиталя, служить на участок фронта, где до малой родины было рукой подать, Егор со временем стал просить своего командира взвода отпустить его в деревню, чтобы посмотреть на то, что от нее осталось.

Лейтенант Баранов, его командир, понимая чувства бойца, занявшего достойное место среди разведчиков почти сразу после прибытия в его взвод, дал свое согласие, но с тем непременным условием, что его солдат проявит крайнюю осторожность и не попадется в руки военных патрулей, охраняющих прифронтовую зону. В противном случае Егор считался бы дезертиром со всеми последующими неприятностями, что могли бы свалиться на него, вплоть до расстрела. Но уж очень кололо и ныло нутро парня, жившего одним только желанием: отомстить за поруганную родину, за свою деревню, за родительский дом. Не поставив никого в известность, осознавая, что идет на крайний риск и никак не может подвести командира взвода, с пониманием отнесшегося к его просьбе, Егор ночью скрылся в темноте лесного массива и через полтора часа стоял возле обугленных остатков того, что раньше было местом его жительства. А в самом центре бывшей постройки возвышалась черным памятником высокая печная труба.

Он стоял неподвижно почти до рассвета. Стоял и периодически начинал, но тут же прекращал плакать, лишь только всхлипывая и размазывая по щеке одинокую скорбную слезу. Взгляд его почти не покидал одной точки на месте чугунной печной заслонки, которая всегда со скрипом открывалась, а потом, когда в ее жерло кто-либо из домашних подкидывал дрова, с еще более громким звуком закрывалась, сигнализируя всем, кто его слышал, что скоро будет подан на стол простой, но вкусный крестьянский обед.

Словно сон наяву пролетало перед глазами парня его счастливое и беззаботное детство. Потом юность, где приход из школы домой сразу же переходил в домашнюю работу, состоявшую из ухода за скотиной в хлеву, дел в огороде, в маленьком саду за домом или во дворе, где почти постоянно, и зимой и летом, надо было колоть дрова. А повзрослев, Егор стал членом одной из колхозных бригад, в составе которой с раннего утра и до позднего вечера работал в поле наравне со взрослыми, зарабатывая необходимые в его большой семье трудодни.

Сразу после окончания сельской школы-четырёхлетки, что располагалась в единственном в деревне кирпичном здании небольшого размера, простой крестьянский паренек, имея в руках похвальный лист за успехи в науках, был направлен для продолжения обучения в ближайшую школу-семилетку. Располагалась та в селе Троицкое, до которого по дороге от родного дома было почти шесть километров пути, как правило, преодолеваемых местными жителями исключительно пешком, реже на лошадях. Так теперь Егору каждый день приходилось вставать с первыми петухами, чтобы успеть преодолеть в любую погоду довольно серьезный для ребенка путь. А когда занятия заканчивались, деревенский подросток вместе с такими же бедолагами из своего и соседних селений направлялся домой, бредя по пыльной дороге, грязи или снегу, под дождем или ветром.

Так продолжалось до тех пор, пока он не заболел, попав под проливной дождь. Егор промок тогда до нитки, замерз до костей. Когда он пришел домой, мать уложила его на печь, дала выпить горячего молока с медом, укутала в старый, еще дедов, тулуп. А оценивший произошедшее отец уже на следующий день отправился в Троицкое к своему двоюродному брату, чтобы уговорить того принять сына на постой, пока будет продолжаться его учеба в школе. Родственник, отношения с которым сложно было назвать близкими, дал свое согласие, но взамен потребовал оплаты продуктами, всегда требующимися в его многодетной крестьянской семье. И на это тоже пошел отец Егора, решив сделать все возможное, чтобы сын учился.

Примеров рядом было достаточно. В их деревне нашлись люди, приложившие усилия и проявившие усердие в получении образования, пусть и не самого престижного, но вполне достаточного для того, чтобы найти применение приобретенным навыкам где-либо в городах, не на крестьянском поприще, а на руководящей работе, в органах власти и управления. Егор мог вполне оправдать надежды отца, а потому тот давал ему такой шанс и помогал, чем мог, надеясь в будущем увидеть результат.

Настоявшись и наплакавшись возле руин родительского дома, разведчик начал суетиться, видя поднимающееся над горизонтом яркое летнее солнце. Пора было выдвигаться назад, в расположение взвода, и нужно было сделать это как можно быстрее и не попасться на глаза, а тем более в руки патрульным отрядам, контролирующим прифронтовую зону.

Чтобы хоть как-то отблагодарить своего командира за понимание и доброту к нему и за взятый на себя риск, связанный с отсутствием солдата на территории воинской части, которое обнаружилось бы в случае построения и проверки, Егор решил найти что-нибудь нужное и полезное для лейтенанта Баранова. Самым большим недостатком командир подразделения считал отсутствие писчей бумаги. Нужно было на чем-то писать отчеты о действиях взвода, рисовать схемы вражеских укреплений, фиксировать результаты разведки, которые постоянно передавались в штаб полка для оперативного внесения изменений и контроля обстановки, а также писать приказы и многое другое. Бумага почти всегда отсутствовала, и командир взвода был вынужден порою писать донесения в штаб на вырванной из книги странице, где свой текст он располагал прямо поверх напечатанного.

Для поиска бумаги Егор направился к полуразрушенному зданию своей деревенской школы. Именно там, как он и предполагал, под досками рухнувшей при пожаре крыши, ему удалось раскопать несколько частично исписанных учениками тетрадей, края и уголки которых были немного обуглены, а листки стали бурыми от накопившейся влаги. Несколько учебников для начальной школы, тетради учителя, кое-какие книги – он все сложил в заблаговременно взятый с собой пустой вещмешок. В него же Егор уложил полезные в солдатском хозяйстве найденные на пепелищах и подобранные им плотницкие и столярные инструменты. Все это вполне могло пригодиться в жизни разведчиков для обустройства землянок, блиндажей и ремонта чего-либо, будь то какая-то утварь или отлетевшая подметка ботинка.

Уже перед уходом, осмотревшись по сторонам для контроля подходов к деревне, разведчик собирался вывести кусочком мела на кирпичной стене своей бывшей школы: «Я ВЕРНУСЬ!» Потом подумал, еще раз осмотрелся, опустил глаза, осмысливая фразу и оценивая свои шансы на возвращение, учитывая все, пережитое им на фронте, и наконец вывел большими буквами: «Я ОТОМЩУ!»

Лейтенант Баранов, командовавший разведчиками до вывода полка на переформирование в тыл, с благодарной улыбкой на лице принял от вернувшегося в расположение красноармейца Щукина его скромные подарки. Но радость на его лице тут же сменило другое выражение, свидетельствующее о неодобрении действий бойца, вполне тянувших на дезертирство. Тут могло вполне всплыть и преступное самоуправство самого взводного, которое однозначно могло закончиться трибуналом.

– Я больше не пойду туда, товарищ лейтенант. Не хочу, – тихо произнес Егор, читая во взгляде командира вопрос.

Тот молча закивал в ответ и произнес:

– Щукин, и чтоб никому! Понял меня?

Эта фраза, учитывая их предварительную договоренность, уже не имела смысла. Разведчик действительно больше не собирался навещать пепелище, оставшееся на месте родного дома и всей деревни. Ему было достаточно всего одного посещения. Нервы и так были на пределе. Попадись в первые дни после этого ему в руки любой гитлеровец, Егор порвал бы его на части, вцепился в горло зубами, разодрал в клочья и напился его крови. Злость и жажда мщения поглотили солдата. Он превратился в беспощадного бойца, злого и кровожадного хищника, в сжатую до предела пружину, готовую распрямиться только с целью нанесения удара по врагу. «Рвать, убивать, уничтожать!» – стало его девизом на ближайшие дни и недели. Униженная и уничтоженная малая родина солдата мобилизовала его чувства на борьбу лучше любой пропаганды, лучше слов любого армейского комиссара на политзанятии.

– Что это со Щукиным? – удивлялись тогда многие сослуживцы Егора, наблюдая за ним. – Как подменили парня. Прямо страшно за него.

И только лейтенант Баранов знал и держал в себе истинную причину озлобленности и напряженности разведчика.

Вопреки всему судьба еще раз привела парня на место его родительского дома. На этот раз это произошло во время патрулирования прифронтовой зоны. Он вновь прошелся по деревне, где провел свое детство. Спустился к любимой им маленькой, совершенно неширокой и неглубокой речке, название которой – Снежедь, вполне отражало температуру ее всегда холодной, почти ледяной, как в ручье, воды. Речке, берега которой возвышались на два-три метра и были покрыты густой растительностью – низенькими деревцами с обширными кронами. Они закрывали реку от солнечных лучей, и ее воды никогда как следует не прогревались. Но, несмотря на это, деревенские мальчишки, каким когда-то был и сам Егор, до синевы на губах купались в ней, трясаясь от холода и активно работая всеми конечностями, чтобы не замерзнуть.

Здесь же, на берегу Снежеди, он сидел и в последний раз общался со своим старшим братом, в кармане которого уже лежала повестка из военкомата. Это было почти сразу после начала войны. Тот приехал домой, чтобы повидаться и попрощаться с родителями и оставить им на попечение свою жену и маленького сына. Брат Петр совсем не улыбался, почти ничего не ел и только задумчиво смотрел куда-то вдаль, иногда обращая свои полные печали глаза на маленького сына. Егору было слишком заметно изменение в поведении родного брата. Всегда веселый и общительный, легко раздражавшийся, а оттого немного вспыльчивый, он на этот раз мало говорил, был равнодушен ко всему, никуда не ходил и ни с кем не встречался. Он ждал своего отъезда. Ждал так, будто бы просто хотел оборвать томительно идущее время и поскорее сдвинуть события вперед, чтобы увидеть ясность для себя и перестать жить неизвестностью.

Первое и единственное письмо от брата пришло в деревню буквально через месяц после его отъезда. Вместе с ним было еще одно, для жены. А потом, сколько ни ждали дома вестей от старшего сына, их так и не было до настоящего времени. Петр будто бы сгинул где-то далеко, там, где шла жестокая и кровопролитная война, огненные жернова которой стремительно катились вперед, в глубь территории огромной страны, подминая под себя все новые и новые ее земли.

– Егор, поднимай Козлова! – негромко крикнул сержант Щукину, одернув его и приведя в чувства после того, как тот погрузился в мысли о доме и родных. – Лейтенант, похоже, к нам бежит.

Разведчик повернулся ко все еще сидящему на снегу и мирно спящему красноармейцу Козлову, собираясь снова пнуть его носком своего валенка и заставить проснуться, но вдруг увидел, что командир огневого взвода вовсе не смотрит в их сторону. Взгляд того был устремлен под гору, на дорогу, которая привела их на это место и по которой в данный момент двигался армейский конный обоз, чью принадлежность было легко установить по направленному в его сторону крику и жестам лейтенанта. Идущий во главе первой конной упряжки солдат уже демонстративно пожимал плечами и что-то пытался говорить в свое оправдание. Начальник продолжал кричать на него, размахивал руками, смотрел вдаль на обоз, снова кричал, заметно нервничая из-за ожидаемого взыскания к нему от командира батареи или даже дивизиона. Дошло до того, что разгневанный лейтенант достал из кобуры пистолет и начал размахивать им, собираясь не только призвать к порядку нерадивых и медлительных солдат обоза, но еще и припугнуть их возможной ответственностью, угрожая трибуналом и даже расстрелом за невыполнение приказов.

– Поднимай Козлова, Егор! – уже довольно громко крикнул на разведчика сержант.

Щукин что есть силы больно ударил сидящего на снегу бойца в бок носком валенка, от чего тот ойкнул и начал быстро подниматься на ноги, будто бы почувствовал свою долю ответственности за опоздание воинского обоза к сроку.

– Сейчас и нам достанется. Под горячую руку попадем. Этот лейтенант шуток не любит, – цедил сквозь зубы сержант и подгонял бегущих за ним Козлова и Щукина.

Увидев начавшееся движение, остальные разведчики сразу перестали курить и стали спешно подтягиваться к своему командиру, понимая, что вот-вот должно произойти что-то невообразимое, если дело дошло до размахивания в воздухе пистолетом.

– Мы протянули время, несколько раз гаубицу, будь она неладна, из кюветов вытаскивали. Да еще и обоз с имуществом отстал. Влетит сейчас лейтенанту от начальства. Не зря он так нервничает, – комментировал один из разведчиков увиденное.

– А если Козлова он сейчас вычислит да поймет, что тот пьяный, – ответил ему другой боец, оборвав фразу на полуслове.

– Да не пьяный я! – замычал от обиды едва пришедший в себя после короткого сна боец. – Я вообще вместе со всеми пил!

– О! – скривил недовольное лицо сержант. – Щукин, твой хвост того гляди всех нас заложит! Как с ним после этого в бой идти?

– Я с ним поработаю по данному вопросу! – бойко ответил Егор и сильно ударил в бок локтем стоящего рядом солдата, приводя того в чувства.

Козлов хрипло вскрикнул от болезненного тычка в уязвимое место, немного побледнел, зашатался и, чтобы не упасть, схватился рукой за цевье висевшей за спиной Егора винтовки.

– Горе мое луковое! – недовольно пробубнил Щукин в адрес Козлова любимую фразу своей матери, которой она всегда награждала кого-нибудь из сыновей после того, как тот что-то делал не так.

Козлов сопел возле Егора, недовольный жесткими воспитательными методами последнего.

– Стой ровно и молчи. Смотри прямо и не шатайся, – внушал разведчик солдату нормы поведения, необходимые для того, чтобы не подвести товарищей при появлении лейтенанта.

Командир огневого взвода, вдоволь накричавшись на бойцов обоза, с красным от возбуждения и мороза лицом, направлялся по дороге в сторону собравшихся солдат, которые уже выстроились в одну шеренгу, вытянулись по стойке смирно и ожидали появления начальника. Тот, все еще имея недовольный и взволнованный вид, широко шагая и пытаясь попасть пистолетом в кобуру, бросил на них короткий взгляд красных и бешеных на вид глаз. Заметив это, бойцы вытянулись как по струнке, высоко задрав выбритые сутки назад подбородки. Образцово-показательный облик разведчиков немного успокоил лейтенанта. Он вновь посмотрел на

них, меняясь в лице и довольно растягивая губы в улыбке, никак не ожидаемой от него после того, как он, размахивая пистолетом, накричал на нерадивых обозников. Разведчики радовали лейтенанта своим безупречным внешним видом, равно как и тем, что они постоянно приходили на помощь артиллеристам во время марша, отнявшего у них много сил.

– Комполка! – прокричал кто-то громко с другой стороны дороги, куда в данный момент направлялся командир огневого взвода.

Тот чуть замедлил шаг, застегнул непослушную кобуру, поправил на ходу на голове шапку и, увидев приближающегося к нему на коне командира полка, перешел на строевой шаг, одновременно прикладывая руку к виску.

Заслушав доклад подошедшего лейтенанта, командир, не слезая с коня, проследовал вдоль строя артиллеристов, вытянувшегося перед сцепками лошадей, передков и зачехленных орудий. Затем мимо разведчиков, раньше всех приготовившихся к встрече начальства. Потом подъехал к обозникам, вид которых явно его не порадовал – было заметно, что строились они спешно и не готовы к смотру начальства.

Следом за командиром полка к построившимся солдатам приблизились верхом на лошадях комиссар полка и командир дивизиона, чьи гаубицы и обоз с имуществом, а главное – со снарядами безнадежно отстали от основных сил. Озлобленный, но сдержанный на слова полковой начальник хмурым взглядом еще раз осмотрел всех построившихся перед ним. Его взгляд перемещался по шеренге солдат. Наконец внимание его на мгновение привлек стоявший из-за небольшого роста в строю разведчиков предпоследним Егор. На секунду глаза командира задержались на нем, потом скользнули в сторону, где рядом с низкорослым солдатом находился куда более высокий Козлов, притянувший к себе внимание по причине нарушения общего порядка строя.

Брови командира полка еще сильнее сдвинулись к переносице. Стало понятно, что сейчас он выльет свой гнев на всех оставших и начнет, видимо, с тех двух разведчиков, на которых на мгновение остановил взгляд и которыми остался недоволен. Вопреки ожиданиям, такого не произошло. Комполка спешно повернул коня и поскакал прочь, в ту сторону, откуда и появился вместе с остальными сопровождающими, быстро покидая остановившуюся для сбора оставших колонну артиллеристов.

Как только он скрылся из вида, Егор повернулся в сторону стоящего рядом Козлова. Ожидая увидеть сосредоточенного и серьезного на вид солдата, вытянувшегося в строю для встречи командира полка, он обнаружил чуть живого на вид расплывающегося в глупой, полупьяной улыбке парня в сдвинутой на затылок шапке.

– Ты ж нас всех подвел, горе мое луковое! – снова произнес Егор любимую фразу матери, меняясь в лице и стараясь сдерживать гнев, чтобы не ударить нерадивого солдата, за которого, по мнению многих сослуживцев, негласно нес персональную ответственность.

«Хвост» – так прозвали во взводе Козлова, следовавшего по пятам за Егором и всегда стоявшего за его спиной, чем бы тот ни занимался.

– Шукин! – услышал у себя за спиной разведчик голос командира отделения.

– Я все понял, товарищ сержант! – ответил ему Егор, не сводя злобного взгляда с Козлова, который продолжал оставаться в том глупом виде, в котором предстал перед полковым начальством.

– Егор! Я! – начал объясняться с ним солдат.

– Головка от казенника орудия! – громко перебил его разведчик, рифмуя обращение к нему так, чтобы не сорваться на отборный мат, чем вызвал бурный смех успевших слегка расслабиться солдат.

Он повернулся к сержанту, растерянно глядя на него виноватыми глазами, будто осознавал, что все претензии из-за Козлова будут предъявлены в случае чего не к нерадивому солдату, а к нему как негласно несущему ответственность за свой «хвост». Командир отделения

ничего не сказал Егору. Они понимали друг друга без слов. Понимали с того самого дня, когда вместе пробирались к вражеской передовой под видом перебежчиков, сжимая пальцами спрятанные в рукавах ватников гранаты.

Их первая встреча состоялась еще в апреле. Егор ехал из госпиталя в кузове полуторки вместе с такими же, только что завершившими лечение после ранений солдатами. Их машина, в кабине которой находился начальник штаба полка, лично отбиривший пополнение в свою часть, застряла в жидкой дорожной грязи весенней распутицы. Вытащить ее, толкая вперед силами тех, кто еще не был полностью здоров, никак не получалось. И как на радость, из ближайшего леса к машине выбежали полтора десятка бойцов в маскировочных халатах, принявшихся без лишних слов помогать вытаскивать застрявшую машину. Это были разведчики.

Именно тогда начальник штаба представил Егора новому командиру взвода лейтенанту Баранову. А тот, знакомясь с вновь прибывшим солдатом, очень удивился его добровольному решению и личной просьбе о зачислении в разведку, где даже в периоды затишья на передовой не прекращалась крайне опасная, а иногда и по-настоящему смертельная боевая работа.

Услышав, что новый боец их взвода является добровольцем, громким смехом закатились абсолютно все разведчики, что стояли рядом с лейтенантом и были свидетелями их беседы. Первым тогда высказался красноармеец Панин, будущий сержант и командир отделения, в котором потом стал служить Егор. Всегда улыбчивый, с неиссякаемым чувством юмора, неунывающий весельчак, на поверку оказавшийся отчаянным бойцом, бесстрашным и сильным, всегда готовым на самые решительные действия, он входил в число наиболее опытных разведчиков взвода, отчего наряду еще с несколькими столь же дерзкими и смелыми был в первых рядах для отправки на боевые задания.

Вместе с командиром другого отделения взвода, сержантом Виноградовым, он уже с первых недель службы Егора в разведке стал его наставником и учителем. Именно он больше всего влиял на молодого солдата, проводил с ним индивидуальные занятия или неустанно вмешивался в процесс учебы, когда это делали другие. От него боец Шукин узнал немало особенностей и тонкостей их непростой службы. Благодаря Панину он понял, какие навыки ему необходимо приобрести в ближайшее время, чтобы стать настоящим разведчиком – тем, кому предстоит идти за линию фронта, в тыл гитлеровцам.

Для Панина и Виноградова изначально было не так уж и важно, умеет ли Егор бесшумно двигаться, хорошо ли он знает знаки различия на форменной одежде солдат и офицеров противника, способен ли быстро открывать огонь и поражать цель с первого выстрела. Всему этому они готовы были его научить. Лишь бы был характер. Только с сильным духом бойцом они готовы были идти на самые опасные вылазки в тыл к врагу. Только обладателю тех характеристик, которые имеются у настоящих воинов, они готовы были доверить свои жизни, разрешить прикрывать их спины, зная наперед, что надежный товарищ не бросит их в самой тяжелой обстановке, вытащит из огня и, если нужно, отдаст свою жизнь, ни на секунду об этом не задумываясь. За такого солдата они и сами были готовы жертвовать собой. Такого они считали бы настоящим разведчиком и приняли бы в свои ряды, где находилось место далеко не каждому даже из обстрелянных бойцов.

Старательный и внимательный красноармеец Шукин быстро завоевал уважение товарищей тем, что идеально делал все, что ему поручалось. Он ни разу не расслабился, стоя на посту, вкалывал до изнеможения на заготовке дров и на земляных работах, был внимателен на занятиях и все схватывал, как говорится, на лету. Но считаться в полной мере бойцом взвода Егор не мог до тех пор, пока не состоялось его боевое крещение в разведке. И хотя он уже выходил на передовую для наблюдения за немецкими позициями, но только как стажер в связке с опытным наблюдателем и как связной – на случай обрыва телефонной линии.

Повод для настоящего участия в вылазке подвернулся сам собой. Вернувшиеся из вражеского тыла в расположение части после неудачного поиска Виноградов и Панин решили

реабилитироваться перед командованием и вызвались участвовать в новой дерзкой вылазке к немецкой передовой – нужно было решить проблему с перебежчиками, которые тайно, как правило ночью, покидали подразделения дивизии и уходили к немцам. Те с радостью принимали беглых красноармейцев-изменников.

Красноармеец Щукин, испытывая крайне сильное желание стать своим среди мужественных и сильных духом солдат взвода артиллерийской разведки, не задумываясь, вызвался идти добровольцем в группе смельчаков. Они приняли его и, несмотря на то что поначалу сомневались в парне, все-таки разглядели в его характере ту самую еле заметную черту, которая позволила им поверить в новичка.

Егор не подвел. Сжимая волю в кулак, заставляя себя идти вперед, подавляя в душе дикий животный страх, он выполнил свою боевую задачу безупречно. Наставления опытных разведчиков не прошли даром. Он сделал все так, как был должен, вплоть до последнего шага, до последнего жеста. Он первым приблизился к немецкой передовой, привлек к себе внимание сидящих в траншее гитлеровцев, увидел их радостные лица, услышал их речь, прочитал их эмоции. Именно это ему и его товарищам было нужно. Немцы расслабились и уже зазывали к себе жестами и криками беглых красноармейцев. Егор подошел к ним вплотную, рассмотрел их лица, глаза, улыбки, почувствовал их запах. А потом...

Специально подобранная телогрейка большого размера дала возможность скрыть в огромных рукавах две гранаты с заранее извлеченными из них предохранительными кольцами. Еще две находились в карманах брюк. Так же были вооружены Панин и Виноградов, которые шли следом. По заранее оговоренному плану Егор первым бросил в траншею врага свой смертоносный подарок. За ним избавились от спрятанных в одежде гранат его старшие товарищи. Не ожидавшие такого подвоха гитлеровцы начали в панике метаться по ограниченному пространству узкой и извилистой траншеи, пытаясь спастись от разлетающихся во все стороны осколков и пламени взрывающихся под ногами гранат. Тем временем разведчики, дождавшись первых взрывов, добавили к ним еще несколько гранат, метко разбрасывая принесенные с собой боеприпасы в отдаленные коридоры земляных укреплений врага, повсюду неся смерть немецким солдатам.

Изрядно нашумев и проредив ряды противника, смельчаки без потерь вернулись в расположение части, где их уже поджидала группа прикрытия под командованием лейтенанта Баранова и пулеметчиков стрелкового полка. Их с нетерпением ждали и встречали как героев. А Панин и Виноградов почти в один голос твердили командиру взвода и сослуживцам, что Егор теперь свой парень, что он блестяще прошел крещение, что его можно отныне считать настоящим разведчиком и включать в число тех, кому предстоит в следующий раз идти за линию фронта. Он не подведет! Он настоящий! В нем есть то, что необходимо бойцу их взвода. С ним они готовы воевать дальше!

– На ле-во! Шагом! Марш! – прозвучала громкая, но быстро тонушая в морозном воздухе команда охрипшего от крика на обозников командира огневого взвода.

Разведчики выполнили ее и зашагали вперед, еще больше шатаясь от усталости после длительного, изнуряющего ночного марша. Егор не пошел за ними. Он повернулся к Козлову, продолжавшему стоять с глупым выражением лица, расплывающегося не то в улыбке, не то в клоунской гримасе человека, который либо специально совершает негативные поступки, либо на самом деле является слабоумным.

– Горе мое луковое! – выдавил из себя Щукин, не зная, как ему поступить с нерадивым солдатом Козловым.

Он сжал кулаки и зубы, выставляя напоказ злобный звериный оскал обозленного до предела человека. Он готов был нарушить устав и ударить стоящего напротив солдата, который только что едва не подвел все отделение.

– Как же тебя такого в разведку зачислили? – процедил сквозь зубы Егор, давя в себе желание физически наказать Козлова.

Тот стоял перед ним, не меняясь в лице, и продолжал нелепо улыбаться своей полупьяной улыбкой.

– За мной шагом марш, – тихо скомандовал разведчик, повернулся в сторону удаляющихся на дороге сослуживцев и зашагал, сплевывая на ходу от досады на навалившуюся на него опеку над самым плохим солдатом, которого пришлось ему встретить в жизни.

– Я не могу идти, Егор, – тихо простонал Козлов в ответ.

Разъяренный Шукин резко повернулся и тут же остыл. Он увидел на месте подопечного беспомощного и шатающегося из стороны в сторону человека. Тот был явно не в себе. Бледный, с потухшим и пустым взглядом, с темными кругами под глазами, он стоял на обочине дороги и, казалось, вот-вот свалится, скошенный смертельной усталостью.

Егор мало что знал об этом солдате. Козлов был немногословен. Говорить больше стеснялся и как будто боялся. Каждое слово из него приходилось буквально вытягивать, почти провоцируя его на ответ, подводя его к этому предварительно правильно заданным вопросом. Он не проявлял себя ни в чем и никак не показал себя за то непродолжительное время, что пребывал в составе взвода. Не было видно в нем силы, ловкости, проворства. Не блистал он начитанностью и какими-нибудь выраженными умственными способностями, которые, казалось бы, должны были иметься у него на фоне отсутствия других качеств. Иначе как он мог оказаться в разведке?

Периодически, причем довольно часто, этот вопрос звучал почти от каждого солдата взвода. Кто-нибудь обязательно атаковал Козлова во время перекуров и в нечастые периоды отдыха, спрашивая его об имеющихся заслугах и личных качествах, за которые его отправили служить в разведку. Боец молчал в ответ, глупо улыбался, пожимал плечами или тихо отвечал:

– Не знаю.

И тогда лопалось терпение какого-нибудь солдата и он произносил с раздражением в голосе:

– Слабоумный какой-то!

Козлов молчал в ответ, пряча где-то в глубине души обиду на эти слова. А упрекнувший его присаживался возле сослуживцев и начинал что-нибудь рассказывать на тему «был у нас один такой в колхозе...».

Далее следовал занимательный рассказ, герой которого сравнивался с нерадивым солдатом их взвода.

Учитывая имевшиеся у Козлова полное среднее образование и сорвавшуюся из-за войны попытку стать студентом столичного высшего учебного заведения, Егор предположил, что парня зачислили во взвод разведки писарем-делопроизводителем. Он даже хотел уточнить это у командира. По мнению солдата, такую должность вполне могли ввести в их части. Но еще не заданный вопрос отпал сам собой, когда он увидел почерк Козлова, которым тот выводил страшного вида и абсолютно не читаемые неподготовленным человеком каракули на листе бумаги. Глаза Егора округлились. Его подопечный тогда писал письмо домой родителям. Взяв в руки исписанный лист, Егор смог кое-как прочитать лишь одно из пяти-шести слов. Все остальное, по мнению разведчика, могли распознать лишь опытные шифровальщики. Письмо домой тут же пошло по рукам разведчиков. Стесняться тут Козлову было совершенно нечего: текста все равно никто разобрать не мог. А увиденное и дополнительно прокомментированное Егором стало поводом для новых шуток над нерадивым солдатом.

Последнее, что могло раскрыть секрет пребывания новичка во взводе разведки, это его боевые навыки. Но и тут ответ не заставил себя долго ждать. Заступая на пост в карауле, Козлов умудрился потерять затвор винтовки. Его, конечно же, быстро нашли. Он просто лежал в неглубоком снегу, а ушедший искать его разведчик всего лишь проследовал по свежим следам.

Наконец лопнуло терпение у одного из солдат, и вопрос о присутствии бойца Козлова во взводе был задан командиру. Но и тот не смог дать стоящего ответа, потому что сам ничего не понимал, Козлова сюда просто направили.

– Я не могу идти, Егор, – снова тихо простонал боец, пытаясь отыскать пустым взглядом Щукина, который уже сам направился к нему, чтобы подхватить и не дать упасть.

Ему стало понятно, что не привыкший к длительным пешим переходам, да и вообще к физическим нагрузкам солдат просто смертельно устал, а потому не был готов к продолжению марша. Он схватил Козлова за амуницию и с волнением стал смотреть тому в глаза, не зная, что дальше делать с ним и чем ему помочь. Еще немного – и тот упал бы в снег без сознания.

– Сажай его в сани, парень! – услышал Егор возле себя голос старшины, руководившего обозом артиллерийского дивизиона. – Винтовку только забери у бойца, а сам рядом иди.

Это и нужно было разведчику. Помощь пришла вовремя, хоть и неожиданно. Козлов был моментально уложен в сани вдоль снаряжных ящиков, а его винтовка перекинулась за спину Егора.

Глава 2

– Неужто нельзя было здесь все по-людски обустроить?! Копаемся третий день, долбим мерзлую землю, а результата почти нет! Что тут делали те, кто до нас был?! – громко, с активной жестикуляцией, ворчал, размахивая в воздухе белой от мороза рукой с курительной трубкой в ней, немного сгорбленный, невысокого роста солдат, короткие седые волосы которого, пробивающиеся из-под шапки, выдавали в нем человека почтенного для участия в войне возраста.

– Это точно, Тарасыч, – вторил ему еще один солдат, только что решивший передохнуть от тяжелой работы, а потому воткнувший лопату в землю и положивший сверху на нее черенок руки. – Копаем, копаем, а все никак не накопаемся.

Первый еще несколько раз взмахнул в воздухе своей курительной трубкой, будто бы собиравшись продолжить высказывать свое возмущение, потом повернулся к стоящему рядом себе-седнику и снова заворчал, теперь делая это так, чтобы втянуть в беседу остальных солдат, много часов с остервенением долбивших каменную зимнюю землю.

– Вот и я говорю, – произнес седовласый, дождавшись момента, когда все находившиеся возле него бойцы прекратят свой труд и посмотрят на него. – У тех, кто до нас тут стоял и держал оборону, не было времени обустроить тут все как положено. Что они столько времени делали на этом месте?

Солдаты молчали в ответ и беззвучно передавали из рук в руки махорочный кисет одного из них, решив устроить перекур на то время, пока старший из них отвлекает их от работы и одновременно скрашивает ее своими высказываниями.

– Они же тут полгода простояли! Не меньше! И что? – Он обвел глазами всех, кто был рядом, а также зацепил взглядом идущих мимо разведчиков, которыми оказались облаченные в белые маскировочные халаты Шукин и Козлов. – Баня, похоже, была только одна на весь полк. А у нас в каждом дивизионе имелаась. Отхожие места как попало разбросаны. Бежишь по ходам сообщения и натыкаешься на уборную. Хорошо, если пустую! А если там есть кто? Да еще если кто из командиров наших?

Среди солдат прокатился легкий хохот, а красные от работы на морозном воздухе лица начали покрываться таким румянцем, который подчеркивал спад напряженности у людей, сменивших тяжелую работу на короткий и продуктивный, с долей юмора отдых.

Шедшие мимо по траншее разведчики тоже остановились возле седовласого, увлеченные его громкими рассуждениями о быте стоявшей на этом месте несколько дней назад воинской части, на смену которой прибыл их артиллерийский полк.

– Ходы сообщения на целый штык надо углублять! Блиндажи полуразрушенные, того и гляди бревна настила на тебя завалятся! А если фрицы бомбить начнут или тяжелыми минами забрасывать?! – не унимался седовласый, обводя глазами улыбающихся солдат. – Стенки в траншее кое-как укреплены, а местами вообще обвалились! Попробуй их зимой сделать как надо, чтоб ровненькие были и стояли хорошо, будто досками подшитые.

Он по-доброму заулыбался, будто не ругал солдат той дивизии, на смену которой прибыла его часть, а специально притягивал к себе внимание куда более молодых сослуживцев, стараясь развлечь их в короткую минуту отдыха, да еще в силу привычки быть заводилой и душой компании. Он снова повернулся к застывшим в проложенном рядом земляном проходе Шукину и Козлову и, будто адресуя свое следующее возмущение только им одним, протянул громком голосом, расплываясь в простой, искренней, широкой улыбке:

– И вшей своих нам оставили! Нет бы с собой забрать, как порядочные граждане!

Последняя фраза ударила по всем, кто ее слышал. Грохот смеха прокатился по траншеям. Общий хохот вывел Егора из короткого оцепенения, вызванного желанием послушать

и посмотреть на короткую юмористическую сценку в исполнении седого солдата, слывшего в полку знатным рассказчиком. Причем был он из числа таких, кто превращал самые простые истории в настоящие сольные концерты для тех, кто находился в это время поблизости.

– Туда? – сменил он почти дурацкое выражение лица на серьезное, убрав улыбку, нахмутив брови и кивнув в ту сторону, где за расположенной внизу, под передовой линией окопов, скованной льдами речкой находились хорошо укрепленные позиции гитлеровцев.

Егор ничего не сказал в ответ. Только тяжело вздохнул и, опустив глаза, двинулся дальше, куда следовал всего пару минут назад, но остановился, чтобы взбодриться перед долгой и утомительной, но очень важной работой разведчика. Козлов также промолчал, вздернул плечами и побрел следом, ступая так, будто невольно копировал походку впереди идущего товарища.

Седовласый нырнул в траншею, сделал пару шагов за ними, остановился в том месте, где его не должны были видеть молодые солдаты его подразделения и, стянув с руки суконную рукавицу, перекрестил вслед разведчиков, посмотрев на них теми глазами, какими обычно провожают в долгий и опасный путь старики своих внуков.

– А чего это они делали, Егор? – спросил Козлов товарища, когда они остановились в траншее, чтобы пропустить следовавших им поперек солдат с тяжелыми ящиками в руках.

– Артиллеристы. Готовили запасную позицию для гаубицы, – ответил ему тот, заглядывая в ветвистый земляной коридор ходов сообщения.

– А с чего ты взял, что именно для гаубицы? – начал проявлять Козлов необычную для себя разговорчивость, отчего Егор даже повернулся в его сторону и посмотрел глазами, полными удивления.

– Габариты позиции, – уточнил он, – для гаубицы больше, для простой пушки – меньше.

Они двинулись дальше, стараясь поскорее проскочить самые узкие проходы, где тяжело было бы разойтись со встречными солдатами, особенно если бы те снова несли что-нибудь в руках, типа ящиков. Очередное такое препятствие в виде целой вереницы пехотинцев, тащивших по траншее тяжелые пулеметы на станках, встретилось им уже через минуту.

– Штык с винтовки сними, – тихо произнес Егор Козлову и добавил: – Демаскировать будет, к передней линии подходим.

– А как ты это узнал? – открыл солдат рот от удивления, поражаясь опыту и прозорливости товарища.

– Стрелковые ячейки появились, – уточнил Егор, кивком указывая вперед.

Козлов снова открыл рот, теперь еще шире, выглядывая из-за плеча товарища, чтобы рассмотреть то, о чем тот ему говорил.

Солдаты с пулеметами наконец проследовали мимо них, и разведчики двинулись дальше, пока снова не наткнулись на новое препятствие, на этот раз состоявшее из множества пехотинцев численностью не меньше стрелкового взвода, собравшихся на занятие, проводимое кем-то из войсковых политработников. Тот, невидимый им из-за спин стоящих в тесном проходе солдат, громко, разборчиво, с тщательным произношением каждого сказанного слова вещал о боевой работе, об укреплении патриотизма, бдительности и прочих качествах, необходимых солдату, находящемуся на передовой.

Егор застыл, слушая старательно делавшего свою работу политрука стрелкового полка, пытаясь уловить что-нибудь новое для себя. Козлов замер у него за спиной и, привычно открыв рот, тоже вникал в услышанное в полной тишине, не прерываемой ничем, кроме доносящихся из траншейных коридоров голосов солдат, не привлеченных к участию в политзанятии.

– Уже завтра наступает новый, сорок третий год! – громко вещал политработник, изредка откашливаясь. – Враг не дремлет, товарищи. Он наверняка предпримет какую-нибудь провокацию на нашем участке, думая, что мы с вами празднуем. Он считает, что мы все тут расслабились, запаслись самогоном и уверены в своей силе и превосходстве. Но мы будем бди-

тельны! Впереди у нас бессонная ночь, на протяжении которой мы не сомкнем глаз и достойно ответим на все попытки нашего злейшего врага сломить нашу оборону.

– Так я и думал, – тихо, почти шепотом произнес Егор, немного повернув голову к Козлову, – сегодня до темноты будем наблюдение вести за передним краем, а завтра наверняка в ночь за языком группа пойдет. Наши командиры думают, что фрицы не на передовой сидят в полной боевой готовности, а в тылу пьянствовать будут, Новый год встречать. Вроде бы как легко можно будет хорошего немца в плен взять, да еще и офицера.

Ворчливость не была свойственна красноармейцу Щукину. Просто по прибытии на передний край, к линии фронта, он начал, как и остальные, ощущать в себе некоторую нервозность, которая должна была скоро пройти, сменившись на равнодушие к себе. Это произойдет через несколько дней, когда он услышит взрывы и привыкнет к шуму боя, обстрелам, ударам и бомбежкам. Только тогда в сердце каждого бойца на передовой наступит покой, пройдет жжение в груди, исчезнет чувство животного страха, придет спокойный сон, который невозможно будет прервать даже звуками пушечной стрельбы. Организм приспособится, привыкнет, пройдет адаптацию. Каждый свыкнется с постоянным присутствием смертельной опасности, все время находящейся где-то рядом, и будет почти спокойно воспринимать изуродованные тела погибших солдат, которые еще некоторое время назад вызывали бы у него только ужас.

Дождавшись, когда политзанятие закончится, Щукин с Козловым просочились сквозь толпу скопившихся в траншеях солдат и добрались до первой линии обороны, где наткнулись на ожидавшего их командира своего взвода, уже занявшего для разведчиков одну из тесных стрелковых ячеек.

– Что так долго? – отвлекся на прибывших взводный, оторвавшись от наблюдения в бинокль за передним краем противника.

– Политрук стрелкового полка немного задержал, товарищ лейтенант, – выкрутился Егор и, чтобы не провоцировать командира на дальнейшие расспросы о причинах опоздания, сам прильнул к узкому проему в земляном бруствере, за которым открывался обзор вражеской стороны.

– Вот ваш сектор, – утвердительно произнес взводный, открывая планшет и демонстрируя аккуратно выполненную копию карты на желтом и сильно измятом листе бумаги.

Он приложил кончик карандаша к отметке в середине изображения и кивком указал на это место на открытом просторе, что простирался далеко за рекой, находившейся внизу, под горой, где проходил передний край обороны. Потом переместил грифель вправо и остановил руку на следующей отметке, снова кивнув вперед, где виднелось в качестве ориентира большое раскидистое дерево с наклонившейся к земле длинной веткой, срубленной, вероятнее всего, большим осколком не то мины, не то снаряда.

– Понятно, товарищ лейтенант, – твердым голосом ответил ему Егор.

– Через полчаса артиллеристы начнут проводить пристрелку реперов, – продолжил командир, глядя прямо в глаза бойца. – Внимательно смотрите на результаты каждого отдельного попадания снаряда, на предмет поражения им случайной цели. А также фиксируйте все возможные ответы со стороны противника. Особенно обращайтесь внимание на работу их артиллерии.

Егор, привыкший к отсутствию лишних слов в общении разведчиков во время пребывания на передовой, кивнул в ответ.

– Бумага и карандаш у вас есть, чтобы записать, если что? – спросил лейтенант, закрывая.

– Мне он не нужен. Я привык полагаться на память. Все запомню. – Взгляд Егора словно подтвердили твердость его слов и уверенность в себе.

– Вы, Щукин, опытный в таких делах. Ребята мне рассказывали, что вы способны увидеть то, что другие не замечают. Поэтому именно вас я назначил сегодня на этот участок. Заодно и Козлова приучайте. Пусть привыкает. Нечего ему вечно в нарядах сидеть. – Лейтенант бро-

сил демонстративный взгляд на стоящего в полном непонимании происходящего вокруг него новичка взвода, выдавая тем самым Егору давно мучающий разведчика вопрос о причинах зачисления столь нерадивого бойца в их подразделение.

Егор еле заметно ухмыльнулся, теперь окончательно понимая для себя, что и взводный прекрасно видит всю нелепость пребывания столь нерадивого солдата в разведке, куда зачисляли добровольцев, да и то после одобрения их кандидатуры опытными командирами или испытания в боевой обстановке. Или направляют наиболее отличившихся солдат, личные качества которых больше соответствуют службе в подразделениях разведчиков. Самому Егору пришлось пройти сначала испытание передовой, чтобы потом, предварительно тщательно взвесив свои шансы, стать добровольцем и самому проситься о зачислении в полковую элиту. Да и то почувствовать себя настоящим бойцом взвода артиллерийской разведки, куда он был направлен проходить дальнейшую службу, он смог только после крещения возле вражеской передовой, где показал свой характер и способность быть настоящим разведчиком.

После ухода лейтенанта Козлов расслабился и, потеряв всякий интерес к происходящему вокруг, опустил на дно окопа, сел на корточки и начал играть с маленьким камушком, подбренным где-то под ногами.

– Как же тебя такого к нам направили? – снова процедил сквозь зубы Егор, глядя сверху вниз на сидящего на мерзлой земле товарища. – Кому из штабных ты так приглянулся? Десять классов, два ранения, и то не в бою. Посчитали тебя обстрелянным и даже опытным? А на самом деле солдат из тебя абсолютно посредственный!

Козлов привычно пожал печами, словно начал вполне нормально воспринимать насмешки и критику в свой адрес.

– В пехоту тебя перевести – убьют в первом бою или ранят. Не выживешь ты там, – размышлял вслух Егор, продолжая смотреть жалостливыми глазами на товарища. – Попробую уговорить взводного, чтобы к артиллеристам перевели или в обоз. Да и то: или снаряд уронишь, или на посту уснешь!

– Я не спал никогда на посту! – недовольно заворчал в ответ Козлов, начав копаться в кармане ватника, чтобы достать из него кисет с махоркой.

– И не кури здесь! Дым демаскирует нашу позицию, – злым голосом начал давить на него Егор. – А для хорошего наблюдателя с той стороны это заметная цель. И мины для уничтожения НП фрицы точно не пожалеют. Тем более что стрелять они умеют. Вали к пехотинцам, там кури, если совсем не можешь терпеть, а потом возвращайся.

Козлов занервничал, стал возиться и наконец исчез в коридоре траншеи, послушавшись совета товарища.

– И винтовку не потеряй, разведчик! – крикнул ему вслед Егор, напоминая о его нерадивости своему подопечному, завершив высказывание в его адрес сплевыванием и тихо произнесенным с раздражением в голосе: – Хвост!

Когда Козлов вернулся в стрелковую ячейку после перекура, Егор решил с ним поговорить, чтобы сгладить возникшее между ними напряжение.

– Дома-то кто у тебя, Алексей? – начал Егор, одновременно следя взглядом за вражеской передовой, пролегающей где-то далеко, за рекой и полем, что простилалось под снежным покровом впереди.

– Мама, сестра, отец, – тихо и медленно перечислил Козлов, не поднимая глаза на Шукина.

– Отец не на фронте? – задал разведчик вопрос, как бывалый фронтовик цепляясь ко всякому, кто был не в армии во время войны.

Егор вспомнил своего отца, не призванного только из-за возраста и работавшего сейчас в одном из колхозов, в который он попал, будучи беженцем, спасаясь вместе с семьей от войны.

– У него бронь, – так же тихо пояснил Козлов, не поднимая полного обиды взгляда на своего собеседника. – На заводе работает.

– А мама, сестра? – не унимался Егор, все еще чувствуя вину за злые насмешки над раненым солдатом.

– Они в госпитале работают, – немного оживился парень, начиная меняться в лице, будто чувствовал изменение отношения к себе.

Одна из старших сестер Егора, Анна, та, что не была в данное время с родителями, тоже работала в тыловом военном госпитале. Они переписывались, обмениваясь новостями из своей жизни. Брат рассказывал только о простых солдатских буднях, о том, что происходит за пределами передовой. Он исключал все упоминания о боевой обстановке и тех трудностях, с которыми сталкивался разведчик. Он не писал о потерях, о крови, о ранениях товарищей. Не упомянул подробностей своего тайного посещения пепелища, оставшегося на месте их родной деревни, коротко сказав в тексте, что обязательно отомстит за поруганную врагом малую родину.

А она, слушая множество рассказов о войне от лечившихся в госпитале солдат, прекрасно понимала, что ее брат просто-напросто утаивает большую часть из того, чем живет на краю пропасти, называемой смертью. Анна с нетерпением ждала вестей, а потом жадно читала письма Егора, всегда плача при этом и причитая про себя, мысленно молясь за него и желая только одного: чтобы выжил, чтобы вернулся с фронта.

– Часто пишут? – спросил разведчик, не отрываясь от наблюдения за передним краем противника.

– Когда как, – чуть громче произнес Козлов, радуясь простой и непринужденной беседе с товарищем. – Адрес полевой почты все время меняется. Подолгу я нигде не служил. Сначала напишу им, а потом жду ответа.

Егор наконец оторвался от наблюдения и посмотрел на него, вспоминая, что и сам когда-то точно так же беседовал со своим первым наставником по службе в разведке. Тот спрашивал его о семье, об отце, о братьях. А он отвечал ему почти тем же тоном, что сейчас слышал от Козлова. И точно так же проходила та непринужденная беседа между опытным и начинающим разведчиками в тесной стрелковой ячейке на передовой во время ведения наблюдения за передним краем противника. Только поводом для расспросов было не налаживание контакта с подопечным, каким был тогда Егор, а приведение его в чувства после волнительного обозрения противоположного берега реки Зуша, сплошь заваленного незахороненными и разлагающимися на открытом воздухе телами моряков, павших в наступательном сражении еще за несколько месяцев до того. Вид усыпанного трупами в тельняшках и черных бушлатах пространства словно ударил по сознанию парня. А в ушах звенел голос лечившегося с ним в одном госпитале моряка, оравшего во все горло от ужаса пережитого:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.